

ВОПРОСЫ ЭТНОМУЗЫКОЛОГИИ

Актуальные проблемы высшего музыкального образования. 2025. № 2 (77). С. 64–69.

Actual problems of high musical education. 2025. No 2 (77). P. 64–69.

Научная статья

УДК 78.045

DOI: 10.26086/NK.2025.77.2.010

Оппозиция «правых» и «левых» в русской народной смеховой культуре

Татаринова Татьяна Леонидовна

Нижегородская государственная консерватория имени М. И. Глинки,

Ниžний Новгород, Россия

E-mail: demestvo@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-0978-2454>

Аннотация. В статье рассматривается трактовка понятий «правый» и «левый» в русской народной культуре в аспектах религиозного двоеверия, сословной организации общества, географического расположения, гендерной, возрастной и политической принадлежности. Подобные вопросы еще не затрагивались, в чем заключена новизна темы статьи. Анализируются представления о правом и Прави в язычестве, этимологические соответствия понятия в языке и текстах песен; христианские представления о правом и левом в соответствии с положением добра и зла и их воздействием на пол человека. В сословном отношении внимание уделяется оппозиции правитель и его шут (скоморох). Приводятся примеры жанров, поющихся от лица двух полов, парные песни «правых» и «левых». Анализируется оппозиция старшего поколения и младшего как «правых» и «левых» в обрядовых и необрядовых произведениях. Расположение сторон света и сторон в доме ассоциируется с жизнью и смертью, гендерными факторами. Карнавные переодевания трактуются как «перелицовывание», переход справа налево в противоположные пол и возраст. Тем самым подчеркивается и размежевание, и преодоление границ между мирами и позициями «левых» и «правых» в смеховом плане. Проводится текстологический анализ некоторых образцов, рассмотрены музыкальные особенности, оговорены перспективы существования в современном фольклорном искусстве.

Ключевые слова: правая и левая стороны, традиция, смеховые песни, гендерный фактор

Для цитирования: Татаринова Т. Л. Оппозиция «правых» и «левых» в русской народной смеховой культуре // Актуальные проблемы высшего музыкального образования. 2025. № 2 (77). С. 64–69. <http://doi.org/10.26086/NK.2025.77.2.010>

QUESTIONS OF ETHNOMUSICOLOGY

Original article

The opposition of the “right” and “left” in the Russian folk laughter culture

Tatarinova Tatiana L.

Glinka Nizhny Novgorod State Conservatoire,

Nizhny Novgorod, Russia

E-mail: demestvo@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-0978-2454>

Abstract. The article examines the interpretation of the concepts “right” and “left” in Russian folk culture in the aspects of religious dual faith, class organization of society, and geographical location, gender, age and political affiliation. Similar questions have not yet been addressed, which is the novelty of the topic of the article. The ideas about right and Rule in the pagan past, the etymological correspondences of the old concept in the language and lyrics of songs are analyzed; Christian ideas about right and left according to the position of good and evil and their effect on the sex of a person. In terms of class, attention is paid to the opposition of the ruler and his jester (buffoon), the texts of buffoons mentioning this “couple” are analyzed. Examples of songs sung by both sexes are given. The opposition of the older generation and the younger as “right” and “left” in ritual and non-ritual works is analyzed. Paired genres of “right” and “left” are revealed. The geographical location of cardinal directions and sides in the house is associated with life and death, with gender factors. Carnival dressing up is interpreted as “turning faces”, a transition from one side to another, from right to left, from one gender to another, from one age to the opposite. This emphasizes the demarcation and overcoming of boundaries between the worlds and positions of left and right in terms of laughter. A textual analysis of some samples is carried out, musical features are considered, and prospects for existence in modern folk art are discussed.

Keywords: right and left sides, tradition, laughter songs, gender factor

For citation: Tatarinova T. L. The opposition of the “right” and “left” in the Russian folk laughter culture. *Aktualnye problemy vysshego muzykal'nogo obrazovaniya* = *Actual problems of high musical education*. 2025; 2(77); 64–69 (In Russ.). <http://doi.org/10.26086/NK.2025.77.2.010>

Традиционному сознанию свойственно деление явлений в соответствии с дихотомией добра и зла, разделение на «свое» и «чужое», определение сторон, занимаемых полами в социуме, в церковном пространстве. Корни этого кроются в глубокой древности. Исследование данной проблемы оказалось интересным и своевременным и привлекло внимание автора. Рассматриваемые в статье вопросы в избранном автором ракурсе относительно песенного фольклора, религиозного сознания и бытовых и гендерных аспектов поднимаются впервые, что составляет новизну и актуальность работы.

Осознание «правой» и «левой» сторон как внешних ориентиров свойственно человеку в связи с осевым строением его нервной системы. Позвоночник и голова — центр, а руки и ноги — периферия, правая и левая стороны. Поэтому невольно парность двух сторон в их единстве и оппозиции человек ищет в природе и жизни, устраивает в быту. Дихотомия двух сторон нашла отражение и в религиозном сознании. Так в языческий период трехмерный мир, по сути, представлял собой ось (Явь) и две стороны (Правь и Навь), находящиеся в оппозиции. А в христианский — стороны стали соответствовать ангелам и демонам. При этом Правь и ангельская правая сторона ассоциировались с восточным направлением, соответствующим рождению света, обновлению жизни, а Навь с ее злыми богами и демоническая левая сторона — с западным направлением, связанным с заходом солнца, смертью.

Понятие «Правь» отобразилось в этимологическом многообразии благодаря словообразованию, свойственному русскому языку. Во многих словах, прошедших путь эволюции вместе с русским этносом, обнаруживается корень — «прав»: «правда», «правота», «право», «править», и др. Правь — вместилище богов-демиургов и сами боги, управляющие созданным ими миром, дающие ему законы гармонии и порядка. Способность управлять ассоциирует богов с правой стороной, поэтому ее изначальная трактовка тесно связана с ее мифологическим пониманием и обожествлением. До сих пор ношение одежды на правую сторону считается полезным, а «шиворот-навыворот» или на левую сторону — опасным.

Углубление в христианское учение, основные положения о сотворении мира, создании человека, грехопадении привело к тому, что отношение к правой стороне стало ассоциативно шире. Бог создал мир, Он знает его суть, управляет всеми

событиями и всегда прав. Его сторона — правая. Она соответствует Его воинству и переходит князьям и царям, помазанникам Божиим. Их обозначили правителями, а период их нахождения на престоле — правительством. Противоположная сторона досталась первому бунтарю и «революционеру», нарушившему порядок, созданный Богом, архангелу Деннице, отвергнутому Богом, получившему имя Сатаны и звания «спорящего с Богом», «отца лжи». Правда и ложь таким образом тоже получили две стороны — правую и левую. По народному преданию на левом плече человека сидит нечистый и лжет, а на правом — ангел Божий, подсказывает правду. Говоря, «поплюй три раза влево», люди имеют в виду, чтобы нечистый, находящийся слева, не сглазил.

Постепенно рождается и гендерная концепция сторон. Дьявол, искусивший Еву попробовать яблоко с древа познания добра и зла, приобщил ее к непослушанию Богу. Она приняла сторону змея. Соблазненный ею Адам отчасти оправдывается, ведь он не был инициатором ослушания. Поэтому Еве предпослана левая сторона, а Адаму — правая. Гендерное распределение сторон получило в быту подобное же соответствие: в церкви мужчинам положено вставать справа, а женщинам слева. В песенной поэзии встречаются примеры, подтверждающие это. Героине нижегородской свадебной песни привиделся «сон страшный», в котором она увидела себя стоящей в церкви с «добрым молодцем»: «Добрый молодец стоял по праву сторону, а я, невеста горькая, стояла по левую» [1, с. 153].

В соответствии с мистическим толкованием частей света и гендерным соответствием правая и левая (мужская и женская) половины устраивались в жилищах. Таким образом, «правые» и «левые», проживая в семьях, должны были делить общую территорию.

Смеховая культура во многом делает акцент на гендерном противостоянии. В песенных историях часто обнаруживаются юмористические картины, в которых главные герои — ленивые жены, неряшливые женихи или мужья, порицаемые второй стороной. На свадьбах девушками поется корильная песня с осмеянием жениха за жадность: «Иван во трактир ходил, судны, лавочки стирал, судомоички сосал» [2, с. 35], — или неряшливость: «Уж какова Нюра выбрала, она старова горбатова! На горбу-то роща выросла, в голове-то вши веревки вьют» [3, с. 52]. В этих примерах для усиления образа применены гипер-

болы с отрицательным значением, гротесковые метафоры, создающие смеховые портреты.

«Правые» и «левые» хлестко дразнят друг друга в частушках. Их перепалки могут быть в форме легкой шутки: «А у мово миленька шелковая бородычка! А надо сторука нанять с нее пылиночки сдувать!», — или более жесткими: «На веселое гулянье дроли не явились: они шли через болото, клюквой подавились» [4, с. 572]. Образ клюквы метафорически соотносится с кислым настроением. Смех может выражаться через особенные обороты, повторы слов или звуков, рифмы: «Коля, Коля, ты отколя?», — или: «Паря по сено поехал, паря за угол задел, передовка порвалася, паря с возу полетел» [4, с. 574]. Последний пример насыщен фонической вербальной игрой. Многократно повторяются слоги «па» («по»), дважды — «за». Это добавляет музыкальность, эффект сопровождения ударными музыкальными инструментами, придает спору характер игры.

Парни смеются в частушках над девушками, подчеркивая их низкий социальный статус: «Девки, пойте, девки, пойте, девки, веселитесь. Вам цена — одна копейка, девки, не сердитесь» [4, с. 598, 599], — маленький рост: «Ахи, ахи, ахоньки, каки девчонки махоньки, целоваться — нагибаться, провожать — в карман сажать» [5, с. 542]. В этих примерах встречаются художественные приемы с литотами, метафорами, уменьшительными суффиксами.

Яркими смеховыми метафорами в шуточных частушках представлено отношение жены к мужу: «Полею шла, да лесом шла да с лешим повстречалася, думала, что муженек, с которым повенчалася» [6, с. 197]. Обнаруживаются смеховые гиперболы и метонимия, подчеркивающие иронию мужа по поводу нежеланной женитьбы: «Без меня меня женили, я на мельнице молол. Пришел с мельницы домой — меня потчуют женой» [1, с. 161].

Часты в песнях и образы жалующихся друг на друга мужа и жены: «У меня ли муж водопьяница» [7, с. 122], или «А как людски добры жоны мужьям завтракать несут, а моя шельма жона скрозь ды обеда проспала» [8]. В числе кантов, занимающих промежуточное положение между авторским искусством и устным народным творчеством, есть парные песни, созданные от лица недовольных супругов. Они представляют собой гротесковые портреты: «Выдали бедную замуж за того, всегда не хотела слушать про него, ибо

он мальчик глупенек и в поступочках простенок, собой очень гадо» [9, с. 10], а от лица мужа: «Худая жена — мужу сухота, ... гадка, мерзкая, что розиня, собой красна, будто слиня, как чортова рожа» [9, с. 66]. Тексты имеют схожую стиховую структуру, поются на общий напев, образуя парный цикл высказываний обеих сторон.

Представлена в песенном творчестве и попытка одной из сторон перехитрить другую. В сюжете шуточной песни «На печи сижу» жена жалуется на дырявую одежду, прося мужа продать скотину и сшить новую шубу: «Муж мой, муженек — борзой кабелек, продай, муж, лошадку с коровушкою... Сошей мне шубейку с обложечкою». Жена мечтает впрячь в сани самого мужа, но получает ответ: «Женушка, жена, впрягайся сама». Следующая картина — поездка на жене, смех над ней: «А под горку едет — подхлыстывает. А селом-то едет — ребятам кричит: “Робята — робята, лошадь-то добра необъезженная”». Жене обиднее всего везти перехитрившего ее мужа: «Не та мне досада, что воз-ат велик, а та мне досада — сам кобель сидит» [10, с. 39]. Борьба сторон передана смеховыми метафорами, гиперболами, уменьшительными суффиксами.

Нередко в шуточных лирических песнях представлена одновременно и гендерная, и возрастная оппозиция сторон, выраженная спором старого мужа и молодой жены. В нижегородской песне нелюбимый муж досаждаёт ревностью молодой жене, засидевшейся на «поседочках» с пряжей. Героиня притворно обещает слушаться, а сама решает его проучить:

*Напоила, накормила, спать укладывала,
Веревочку на шеюшку накладывала».*
Испугавшись, старый муж обещает:
«Уж ты, женушка-жена, буду слушаться!
Бородой-то буду пол мести,
А руками буду жар грести,
Резвым ножкам буду деточек качать... [11].

По традиции отец в семье подобен домашнему «божеству», которого нужно слушаться в связи с его важным семейным статусом. Мать принимает его сторону, и о них говорят — родители всегда «правы». Дети оказываются на другой стороне, так как их желания и ценности часто не совпадают с родительскими. Можно говорить об оппозиции старших и младших — консервативной части семьи и прогрессивной, склонной к изменениям. Распространены сюжеты, в которых молодые пытаются преодолеть контроль старших, а те — воз-

вратить его. В нижегородском цикле частушек, к примеру, отец недоволен праздностью дочери: «Я “Цыганотшку” плясала — увидал меня отец: “На работе дотшки нету, а плясать — так молодец!”» [6, с. 199]. Или дочь сетует на строгость матери: «Канарейка-пташица, ругат меня мамаша за вольную за волюшку, за дружка за Колюшку» [4, с. 38]. В последнем примере — дополнение в виде суффикса, характерного в одном случае и не встречающегося в другом — «пташица — мамаша», а поэтому придающего юмористический колорит. Интересно применение единого предлога «за» перед каждым словом, создающее эффект звона.

Реже встречаются и сетования парня на родню: «Была у мальчика тальяночка, так брат ее отбил. Была у мальчика беляночка, так тятка забранил» [4, с. 48]. В этом примере слышен «бой» ударных в многочисленных звуках «т» и «б».

Проблема продолжения рода тоже имела в традиционном обществе религиозные корни. Одна из заповедей — «Плодитесь и размножайтесь» — понималась серьезно. Во многих смеховых песнях обрядового происхождения эта тема освещалась с различных сторон. Можно обнаружить обращение старших к младшим в масленичных обрядах: «Ох, ты, масленка, белый сыр, чего ты не женишься, с...кин сын?» [5, с. 29], — и ответы в духе самокритики: «Мясоед прошел, а я не женился, родимый мой батюшка разорился» [5, с. 30]. Подобные песни служили напоминанием о предназначении человека, который не должен был прожить «пустоцветом».

Молодые семьи получали наставления от старших в особые дни календаря — на Масленицу, после Пасхи, ко дню Рождества Пресвятой Богородицы. Родители молодого мужа оказывали большее влияние. Поэтому в песенных сюжетах отмечаются смеховые противостояния невестки и свекрови или свекра: «Растворила ничего, положила на чело, уж ты кисни, квас, у свекрови лопни глаз» [12, с. 76], или: «Пришли Святки, святые вечера, ой ли, ой, Ладо мое. Увесь молодежь да на улицу пошел... А меня, молодую, свекор не пустил. Как я со зла да овин сожгла» [13, с. 272]. Наиболее ярко эпическая «битва» свекрови и невестки показана в скоморошине «Агафонушка», записанной Киршей Даниловым на Урале от потомков скоморохов: «А и на Дону, Дону, в избе на дому, ... а была стрельба веретенная, а и пушки — мушкетеры горшечные, ... а и билася, дралася свекры со снохой» [14, с. 384].

Стороны Бога-Правды и дьявола перешли к социальным группам традиционалистов и революционеров. «Правые» и «левые» по политической принадлежности оставили свои следы в образности песен и частушек периода гражданской войны начала XX века: «Офицер молодой, шпоры ясные, убирайся поскорей — идут красные» [4, с. 148]. Отражаются и гендерные «перекося»: «Бабы сеют и боронят, огороды городят, мужики сидят в правление, папиросами чадят» [4, с. 160]. В первом примере важное значение для создания образа «белых» в вербальной «паритуре» имеет звук «о», а образа «красных» — «р», во втором — «б», «г», «п», «р». Действует принцип небылицы-перевертыша.

Выше упоминался переход женщин из одной группы в другую, когда составлялось родительское сообщество, что обозначило условность грани между сторонами и нашло отражение в обрядовых действиях зимних Святков. Переворот слева направо по традиционным представлениям происходит в конце декабря, начале января, во время «поворота колеса» с зимы на лето, от смерти к жизни, от тьмы к свету. В такое время обыденные явления меняются, порядок — нарушается. Поэтому «левые» временно могут стать «правыми», парни — девушками, старики — старухами, молодые — старыми и наоборот. Это выражается переодеванием, выворачиванием одежды, изменением лица маской, пением колядок, щедровок. Но в текстах песен сохраняются напоминания о сути вещей, о необходимости сеять хлеб, создавать семью: «Братья, вставайте, коней седлайте! Щедрый вечер добрым людям! Да й поедем мы в дальнюю дорогу... девку сватати» [15, с. 22].

Можно сделать вывод, что древние религиозные представления, выразившиеся в дихотомии добра и зла, повлияли на формирование особой оппозиционной пары — «правых» и «левых» — из числа небожителей и людей. Песенные сюжеты, содержащие следы их общения, связаны в основном с гендерной и возрастной проблематикой, несовпадением взглядов и ценностей. В меньшей степени отображены сословные и социальные оппозиции, так как строй в обществе многократно менялся, а проблемы гендерности, отцов и детей константны. Образы «правых» и «левых» преобладают в свадебных, шуточных песнях, шутовых старинах, кантах, частушках. Мнения двух сторон отражаются в парных сюжетах, составляющих циклы песен с общей мелодией. В числе художественных приемов, применяющихся в текстах,

можно назвать смеховые метафоры, гиперболы, литоты, эпитеты, метонимию. Заметна фонетическая игра, придающая музыкальность тексту. Применяются повторные звуки, фонемы, рифмы, создающие смеховые и изобразительные эффекты. Для музыки рассмотренных смеховых песен, характерно взаимодействие слова и мелодии по принципу речитативности, опора на малообъемные лады, преобладание мажорного наклонения, сольное монодийное исполнение.

Смеховая традиционная культура в настоящее время продолжает существовать в жанре частушки, которая вобрала в себя признаки многих жанров и сохраняет в устной форме сведения о жизни народа, его мнение о происходящих событиях, всегда актуальные мотивы взаимоотношений человека в социуме.

Список источников

1. Свадьба на земле Нижегородской / сост. М. П. Шустов. Нижний Новгород: изд-во НГПУ, 2004. 200 с.
2. Балакирев М. А. Сборник русских народных песен. М.: Музыка, 1936. 80 с.
3. Бордюг Н. Д. Традиционный фольклор Юга Нижегородской области. Н.Новгород: изд. ОНМЦ, 1996. 123 с.
4. Библиотека русского фольклора. Частушки / сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Ф. М. Селиванова. М.: Советская Россия, 1990. 656 с.
5. Щуров В. М. Жанры русского музыкального фольклора: в 2-х ч. Ч. 2: Народные песни и инструментальная музыка в образцах. М.: Музыка, 2007. 656 с.
6. Татаринова Т. Л. Русские народные песни Нижегородской области в записях собирателей XIX–XXI веков: хрестоматия. Н. Новгород: Нижегородский институт развития образования, 2023. 216 с.
7. Римский-Корсаков Н. А. Сто русских народных песен. М.: Музыка, 1985. 181 с.
8. Архивные материалы экспедиций фольклорной Н. Д. Бордюг, 1980. Рукопись.
9. Сборник кантов XVIII века // Русская музыкальная культура XVIII века / сост. Т. Ливанова. М.: Гос. муз. издат., 1952. 136 с.
10. Бордюг Н. Д. О песенной культуре Русского Никольского и прилегающих к нему сел // Русские праздники Лаишевского края. Каравон в Русском Никольском. Казань: Изд. Дом ПиФ, 1996. С. 19–44.
11. Архивные материалы фольклорной экспедиций В. А. Колара, 1958. Рукопись.
12. 100 русских народных песен (материалы студенческих фольклорных экспедиций) / под ред. Ф. М. Соколова. Л.: Музыка, 1970. 96 с.
13. Лядов А. К. Песни русского народа. М.: Государственное музыкальное издательство, 1959. 384 с.
14. Русская народная поэзия: эпическая поэзия: сост. Б. Путилова. Л.: Худ. литература, 1984. 440 с.
15. Фраенова Е. М. Русское народное музыкальное творчество: Хрестоматия. М.: Композитор, 2012. 255 с.

References

1. Shustov, M. P. (comp.) (2004), *Svadba na zemle Nizhegorodskoy* [Wedding on Nizhny Novgorod land], NSPU Publishing House, Nizhny Novgorod, Russia.
2. Balakirev, M. A. (1936), *Sbornik russkikh narodnykh pesen* [Collection of Russian folk songs], Muzyka, Moscow, USSR.
3. Bordyug, N. D. (1996), *Traditsionnyy folklor Yuga Nizhegorodskoy oblasti* [Traditional folklore of the South of the Nizhny Novgorod region], ONMC, Nizhny Novgorod, Russia.
4. Selivanov, F. M. (comp.) (1990), *Biblioteka russkogo folklora. Chastushki* [Library of Russian Folklore. Ditties], Sovetskaya Rossiya, Moscow, Russia.
5. Shchurov, V. M. (2007), *Zhanry russkogo muzykalnogo folklora* [Genres of Russian musical folklore], no. 2: *Narodnye pesni i instrumentalnaya muzyka v obraztsakh* [Folk songs and instrumental music in samples], Music, Moscow, Russia.
6. Tatarinova, T. L. (2023), *Russkie narodnye pesni Nizhegorodskoy oblasti v zapisyakh sobirateley XIX–XXI vekov: khrestomatiya* [Russian folk songs of the Nizhny Novgorod region in the recordings of collectors of the XIX–XXI centuries: textbook], Institute of Educational Development, Nizhny Novgorod, Russia.
7. Rimsky-Korsakov, N. A. (1985), *Sto russkikh narodnykh pesen* [One hundred Russian folk songs], Muzyka, Moscow, USSR.
8. Bordyug, N. D. (1980), *Arkhnivnye materialy folklornoy ekspeditsiy. Rukopis* [Archival materials folklore expedition. The manuscript]
9. Livanova, T. (comp.) (1952), “Collection of 18th century cantos”, *Russkaya muzykalnaya kultu-*

- ra XVIII veka* [Russian musical culture of the XVIII century], State Music Publishing House, Moscow, USSR.
10. Bordyug, N. D. (1996), "On the song culture of the Russian Nikolsky and adjacent villages", *Russkie prazdniki Laishevskogo kraya. Karavon v Russkom Nikolskom* [Russian holidays of the Laishevsky region. The caravan in Russian Nikolsky], PiF, Kazan, Russia, pp. 19–44.
11. Kolar, V. A. (1958), *Arkhivnye materialy folklornoy ekspeditsiy. Rukopis* [Archival materials folklore expedition. The manuscript].
12. Sokolov, F. M. (ed.). (1970), *100 russkikh narodnykh pesen (materialy studencheskikh folklornykh ekspeditsiy)* [100 Russian folk songs (materials of student folklore expeditions)], Music, Leningrad, USSR.
13. Lyadov, A. K. (1959), *Pesni russkogo naroda* [Songs of the Russian people], State Music Publishing House, Moscow, USSR.
14. Putilov, B. (comp.) (1984), *Russkaya narodnaya poeziya: epicheskaya poeziya* [Russian Folk poetry: Epic poetry], Artistic literature, Leningrad, USSR.
15. Fraenova, E. M. (2012), *Russkoe narodnoe muzykalnoe tvorchestvo: Khrestomatiya* [Russian folk music creativity: Anthology], Composer, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Татаринова Т. Л. — кандидат искусствоведения, доцент кафедры теории музыки

Information about the author

Tatarinova T. L. — Candidate of Art History, Associate Professor of the Department of Music Theory

Статья поступила в редакцию 11.05.2024; одобрена после рецензирования 30.06.2025; принята к публикации 01.07.2025.

The article was submitted 11.05.2024; approved after reviewing 30.06.2025; accepted for publication 01.07.2025